

ТОЛСТОЙ или ДОСТОЕВСКИЙ?

*Философско-эстетические
искания в культурах
Востока и Запада*

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ТОЛСТОЙ или ДОСТОЕВСКИЙ?

*Философско-эстетические
искания в культурах
Востока и Запада*

Материалы Международной конференции
3—6 сентября 2001 года

Санкт-Петербург
« НАУКА »
2003

УДК 821.161.1.0
ББК 83
Т 52

Толстой или Достоевский? Философско-эстетические искания в культурах Востока и Запада: Материалы Международной конференции 3—6 сентября 2001 г.

ISBN 5-02-028550-1

Монографию составляют тексты докладов, прочитанных на Международной научной конференции в 2001 г. Неожиданное на первый взгляд противопоставление: «Толстой *или* Достоевский» — вместо привычного «и» — придает концепции сборника полемический характер. В каждой стране Толстого и Достоевского читали и перечитывали по-своему, их художественные и философские открытия были увидены (или не увидены) в различных перспективах в зависимости от своеобразия культурного фона, от обстоятельств места и времени. Собранные воедино, эти точки зрения образуют пеструю, но целостную панораму восприятия двух русских классиков за рубежом. Спор о Толстом и Достоевском не ограничивался сферой литературы, выбором ориентира в эстетических исканиях писателей XX столетия — спор о литературе неизбежно перерастал в спор о жизни.

Редакционная коллегия:

В. Е. Багно (председатель),
К. С. Корконосенко (секретарь), *Г. А. Тиме*, *В. А. Туниманов*

А. Б. Шишкин

**«ТОЛСТОЙ И/ИЛИ ДОСТОЕВСКИЙ»:
СЛУЧАЙ ВЯЧ. ИВАНОВА**

Драматическая дилемма «Толстой или Достоевский?» решалась поэтом и мыслителем Вяч. Ивановым на протяжении всей его долгой жизни (1866—1949). Сейчас мы отметим лишь основные вехи, придерживаясь хронологическо-биографической перспективы.

1. Вяч. Иванов принадлежал к поколению Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, П. А. Флоренского. Начало их жизни совпало с переживанием кризиса — политического, этического и религиозного. Генетически этот русский кризис был связан с кризисом европейской мысли XIX в. Практически-жизненно он проходил под знаком Достоевского — вплоть до того, что отдельные моменты их биографий могли напомнить некоторые повороты судеб его героев.

В истоке жизни Вяч. Иванова было глубоко и страстно пережитое православное детство, за которым последовало нигилистическое отрочество. Для ученика Первой московской гимназии Достоевский впервые предстал как «враг свободы».¹ Нигилизм гимназиста с каждым годом становился все радикальнее. В 15 лет он уже осознал себя «крайним атеистом и революционером» («Автобиографическое письмо» — II, 13). После цареубийства 1 марта 1881 г. в отличие от большинства людей своего круга он почитал террористов за героев и мучеников. Главным в его жизни стал «вопрос об оправдании терроризма как средства социальной революции» (II, 14). Но самым парадоксальным образом (и это напоминает антиномическое, открытое несколькими безднам сознание у героев Достоевского) атеизм совмещался у него с любовью к Христу; по его собственным словам, «страсть к

¹ *Иванов В. И.* Собр. соч.: В 4 т. Брюссель, 1987. Т. 4. С. 463. Далее ссылки на это издание (Брюссель, 1971—1987. Т. 1—4) приводятся в тексте с указанием в скобках тома римскими цифрами, страницы — арабскими.

Достоевскому питала это мистическое влечение, которое я искал примирить с философским отрицанием религии» (там же).

Кризис не был преодолен и в Московском университете, студентом которого Вяч. Иванов стал в 1884 г. Он едва не встал на путь одного из героев «Бесов», который продолжал оставаться в революции, несмотря на то что разочаровался в ней. «Дальнейшее политическое бездействие — в случае, если бы я остался в России, — представлялось мне нравственною невозможностью. Я должен был броситься в революционную деятельность — но я ей уже не верил» (II, 15). Подобный кризис в своей политической и философской эволюции пережил и Бердяев (формула «от марксизма к идеализму» лишь в малой степени отражает глубину и драматичность этого кризиса), о чем он рассказал в эссе «Ставрогин» (1914).

Освобождением от кризиса для Вяч. Иванова стал отъезд из России и последующие более чем 15-летние скитания по Европе. Хронику нового — берлинского — периода его жизни можно представить по «Интеллектуальному дневнику» 1888 г. Дневник состоял из различных набросков и фрагментов, иным из которых было суждено воплотиться в творчестве через одно или несколько десятилетий. Имена Достоевского и Толстого появляются в записи одного из первых дней марта:

Достоевский и Толстой <—> два типичных выразителя русского духа. В нашем народе можно заметить это двойственное течение мысли. Но в обоих и много общего. И если это общие национальные черты нашего ума, мы мудрейший народ в мире.²

Запись эта, как видно, неполна; опущено важное смысловое звено — отличие одного писателя от другого. Самое значительное и неожиданное здесь — противопоставление Толстого и Достоевского как равных и полярных величин: как отмечает публикатор «Дневника», противопоставление это станет общим местом русской критики только спустя 10 лет, после появления знаменитой книги Мережковского. Идеи записи продолжает стихотворение «Русский ум» (1890):

Своеначальный, жадный ум, —
Как пламень, русский ум опасен:

² Оpubл. Н. В. Котрелевым и И. Н. Фридманом в кн.: Вячеслав Иванов. Архивные материалы и исследования. М., 1999. С. 14. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием в скобках страницы.

Так он неудержим, так ясен,
Так весел он — и так угрюм.

Подобно стрелке неуклонной,
Он видит полюс в зыбь и муть;
Он в жизнь от грезы отвлеченной
Пугливой воле кажет путь.

Как чрез туманы взор орлиный
Обслеживает прах долины,
Он здраво мыслит о земле,
В мистической купаясь мгле.

(I, 556).

Таким образом, одно из допустимых прочтений этого стихотворения — антиномическое противопоставление двух писателей; Толстому, по всей видимости, посвящены два первых четверостишия, Достоевскому — последнее. Между первым замыслом стихотворения и его воплощением в творчестве прошло лишь два года, у Вяч. Иванова (как, впрочем, и у Булгакова и Бердяева) это было скорее исключением, чем правилом: идеи вынашивались обычно в течение весьма значительного срока. Более показательна в этом отношении непосредственно следующая запись «берлинского дневника» от 3—4 марта 1888 г. Вяч. Иванов задумывался здесь о дохристианской идее жертвы в «Братьях Карамазовых». Найденная тогда, в 1888 г., формула — «мир, где сражаются Ормузд и Ариман» — войдет затем в заключительный пассаж третьей главки в статье «Достоевский и роман-трагедия» 1911 г. Нельзя не отметить и бросающийся в глаза параллелизм: статья 1911 г. начинается с противопоставления Достоевского и Толстого (все в том же собственном, ивановском ключе).

2. Однако прежде чем перейти к статьям Вяч. Иванова о Толстом и Достоевском 1910-х гг., необходимо в нескольких словах коснуться предшествующего периода в его жизни. Годы странствий по Европе прервала первая русская революция. Вяч. Иванову казалось невозможным продолжать жить вне отечества, увлекаемого в революцию, когда «общее безумие — реально — охватило Россию».³ Россия, Петербург теперь представлялись ему центром европейской истории. В ряде стихотворений 1905 г. изображена северная столица, как она виделась ему в эти драматические дни: «город-мо-

³ Письмо В. И. Иванова к В. Я. Брюсову от 24 февраля / 9 марта 1905 г. (Литературное наследство. М., 1976. Т. 85. С. 474).

рок», «призрачная Пальмира... в этом мареве полярном», «мне страшно... в этом мороке победном Медно скачущего гнева» (II, с. 259, 261): как видим, это город Достоевского и Пушкина.

В мифо-поэтическом смысле стихии насилия и мятежа противостояла ивановская «Башня» — петербургский символизм, созданный в диалоге поэзии и философствования.

«Духовная лаборатория, в которой сталкивались и формировались разные идейные и литературные течения», — писал о «Башне» Бердяев, почти постоянный председатель башенных «сред»,⁴ которые в разное время посещали Ремизов, Блок, Сологуб, Мережковские, Ф. Зелинский, Мейерхольд и др. Одной из тем здесь был Достоевский. «Достоевский назывался „Федором Михайловичем“, как общник и хороший знакомый», — припоминал один из башенных завсегдатаев.⁵ Розанов еще в середине 1890-х гг. объявил, что окончательный смысл проблем и тем, поставленных Достоевским, не договорен, что их решит русская и мировая история, теперь и Бердяев призывал видеть в Достоевском не столько писателя, сколько философа. Собираясь выступить на одной из «сред» башенного сезона 1906/07 г., Бердяев сообщал о теме своего «реферата» следующим образом:

Окончательно решил прочесть у Вас не главу «Метафизика пола и любви», а главу «Великий инквизитор». <...> Главу «Великий инквизитор» я могу прочесть в один час, сделав небольшие пропуски, она переписана и представляет более законченное целое. Да и мне приятно читать о «Великом инквизиторе», так как это познакомит с сущностью моей веры.⁶

В «реферате» Бердяев утверждал, что «Легенда о Великом инквизиторе» является философской притчей и содержит в себе смыслы, не предвиденные ее автором: «легенда» предостерегает не столько против опасностей католицизма, сколько против социализма, который, обещая устроить счастье людей на земле, построит «коллективный муравейник»

⁴ Бердяев Н. «Ивановские среды» // Русская литература XX века. 1890—1910 / Под ред. С. А. Венгерова. М., 2000. Т. 2. С. 234. Ср. также: Шишкин А. «Симпозион» на петербургской Башне в 1905—1906 гг. // Русские пиры. СПб., 1998. С. 273—352.

⁵ Городецкий С. Воспоминания об Александре Блоке // А. Блок в воспоминаниях современников. М., 1980. Т. 1. С. 332.

⁶ Иванов Вячеслав. Материалы и исследования. М., 1996. С. 131—132.

принуждения и авторитаризма.⁷ Однако такая интерпретация легенды, демонстрируя возможность многозначного осмысления текстов Достоевского, оставляла в стороне вопросы их художественной формы. В этом отношении Бердяев продолжал аналогичные толкования Достоевского, предпринятые Розановым, Булгаковым и др.

Напротив, Вяч. Иванов стремился понять идеи и мировоззрение писателя преимущественно через рассмотрение особенностей формы его произведений. Показательно, что одна из лекций о писателе 1911 г. называлась «Роман Достоевского в литературно-исторической эволюции романа», а первый большой раздел статьи «Достоевский и роман-трагедия» был посвящен «Принципу формы». Значительность ивановской интерпретации была сразу отмечена и самими современниками. В. Чудовский, откликаясь на журнальную книжку «Русской мысли», где статья была опубликована, отмечал, что «Доклад Вячеслава Иванова „Достоевский и роман-трагедия“ <...> так насыщен мыслью, что каждое предложение его как бы заглавие отдельной главы в какой-то ненаписанной книге... Хочется, поэтому, видеть в этом докладе прежде всего обещание написать такую книгу — большое исследование о Достоевском. Слишком ясно, что есть стороны в творчестве великого создателя Грядущей Руси, стороны громадные и многоценные, которых никто из современников не в силах выявить, кроме В. Иванова».⁸ «Здесь собраны и как бы связаны в один узел все проблемы дальнейших работ о Достоевском», — уже подводил итоги в 1925 г. В. Комарович.⁹

Поводом для следующего выступления Вяч. Иванова о Достоевском был доклад «Русская трагедия. О „Бесах“ Достоевского...» С. Н. Булгакова, прочитанный им в феврале 1914 г. в Московском религиозно-философском обществе. Булгаков исходил из тезиса о трагедии как принципе романов Достоевского, тезисе, развернутом в статье Вяч. Иванова 1911 г. Но на заседании общества Вяч. Иванов не согласился с булгаковской интерпретацией Хромоножки и Ставрогина и выступил в прениях с импровизированным развернутым

⁷ Глава «Великий инквизитор» вошла как первая глава в книгу Бердяева «Новое религиозное сознание и общественность» (СПб., 1907. С. 1—32). Ср. также его отзыв на 3-е изд. книги В. Розанова «Легенда о Великом Инквизиторе» (Исследования по истории русской мысли : Ежегодник за 1998 г. М., 1998. С. 296—298).

⁸ Чудовский В. О «Русской мысли» // Аполлон. 1911. Вып. 8. С. 67.

⁹ Комарович В. Достоевский : Современные проблемы историко-литературного изучения. Л., 1925. С. 10.

полемическим содокладом.¹⁰ Оба доработанных доклада появились в журнале «Русская мысль» за 1914 г. (№ 4), причем в авторских перекрестных сносках подчеркивалось, что статьи дополняют друг друга.

В 1916 г. Вяч. Иванов подготовил к печати книгу своих теоретических статей, которая вышла под заглавием «Борозды и межи. Опыты критические и эстетические» (М., 1916). Тщательно продуманная композиция книги была частью символистской стратегии Вяч. Иванова. Первый раздел составили эссе о Достоевском (статья 1911 г. и приложенная к ней как отдельный экскурс статья 1914 г.), Л. Толстом и Вл. Соловьеве. Перед нами формализация символистского канона: эти три имени составляют *большую культуру*, как собственно литературную, так и религиозно-духовную, которая должна формировать становящуюся эпоху. Впервые статьи были опубликованы в связи с годовщинами ухода из жизни Достоевского (30 лет), Толстого (первая годовщина) и Соловьева (десятилетие), и это дало возможность Вяч. Иванову, подчеркивая некий символический высший смысл события, наименовать весь раздел «героическими тризнами».¹¹ Ключ к этому именованию давало уже самое начало первой статьи: «Достоевский кажется мне наиболее живым из всех от нас ушедших вождей и богатырей духа» (ср. IV, 401).

В том же 1916 г. Вяч. Иванов написал третью статью о Достоевском. Перед лицом военных поражений, когда предчувствовалось крушение России как государства, ее духовное поражение, ряд мыслителей, экономистов и обществен-

¹⁰ Свое ответное слово С. Н. Булгаков начал так: «Я прежде всего должен выразить удовольствие, что по отношению к В. И. Иванову сыграл роль Ставрогина, т. е. провокатора <...> а именно вызвал его на обнаружение, хотя и в намеках, некоторых его идей» (Вячеслав Иванов. Архивные материалы... С. 68). Стиль совместного собеседования о Достоевском Иванова и Булгакова восходит к аналогичным «симпозионам» на «Башне».

¹¹ Вяч. Иванов принимал участие в необычном заседании Московского религиозно-философского общества, о котором сохранилось свидетельство Е. В. Аничкова, каковое ввиду его малоизвестности имеет смысл привести достаточно подробно: «...всероссийское моление о Льве Толстом, когда он умер. Памятно мне такое моление в Петрограде в Религиозно-философском обществе. Им руководил архимандрит Михаил, уже в простой поддевке старообрядческого начетчика. Весь литературный мир Петрограда тут присутствовал. Смешивались с огромной толпой, едва вместившейся в просторный зал, и Вячеслав Иванов, Федор Сологуб, и Александр Блок, и Мережковский, и Зинаида Гиппиус <...> Хор студентов-технологов пропел несколько стихов свободных христиан. Так вознеслось моление трех различных вер» (Аничков Е. В. На грани // Православие и культура: Сб. религиозно-философских статей. Берлин, 1923. С. 152).

ных деятелей задумали издать сборник статей о «духовном лике России».¹² Название ивановской статьи «Лик и личины России. К исследованию идеологии Достоевского» было прямо соотнесено с этим замыслом. Но сборник не состоялся, и сочинение Вяч. Иванова увидело свет в самый канун Февральской революции в январском номере журнала «Русская мысль» 1917 г.

После революции Вяч. Иванов читал курсы и отдельные лекции по Достоевскому в учебных заведениях, в которых ему пришлось работать: в Бакинском университете в Азербайджане (1921—1924),¹³ в Папском восточном институте в Риме (1936—1943). В январе 1927 г. в кратком курсе по истории русской культуры в Павийском университете Иванов одну лекцию посвятил религиозным аспектам творчества Толстого и Достоевского. В одной из бесед 1932 г., рассуждая о различных типах Эроса, Иванов вновь обратился к афористическому противопоставлению двух писателей.¹⁴

В Италии Вяч. Иванов работал над книгой о Достоевском. Она должна была выйти на немецком языке в Германии, где вообще проектировалось многотомное издание ивановской прозы. Первоначально, в начале 1920-х гг., предполагалось просто перевести и издать его статьи под заглавием «Dostojewskij als tragischer Dichter». Затем этот план подвергся значительным изменениям, так как Иванов решил их существенно переработать. Со временем композиция книги приобрела следующий вид:

Dostojewskij als tragischer Dichter.

Dostojewskij als Mythendichter (О «Бесах» и «Идиоте»).

Dostojewskij als Religionslehrer.¹⁵

Такого рода единовременно трехсторонняя интерпретация Достоевского развивала метод первой статьи 1911 г., где

¹² Письмо С. Л. Франка к В. И. Иванову от 14 марта 1916 г. (Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, ф. 607, ед. хр. 607, л. 1—2).

¹³ В Римском архиве Вяч. Иванова (далее РАИ) есть записи курса о Достоевском (*Иванова Л. Н.* Римский архив Вяч. Иванова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1997 г. СПб., 2002. С. 320, № 180).

¹⁴ 9 февраля 1932.

Влюбленность — притяжение магнита;

Любовь — электричество, гроза.

Тайновидцы влюбленности могут и не знать любовь. Толстой — изображал влюбленность; Достоевский — любовь (Грушенька) (Сентенции и фрагменты Вяч. Иванова в записях О. Шор // Русско-итальянский архив III. Салерно, 2001. С. 138. Далее РИА III).

¹⁵ Письмо В. И. Иванова к Е. Д. Шору, без даты (IV, 762).

за исследованием «принципа формы» следовало изучение «принципа мировоззрения». Новой должна была быть третья часть. Весной 1925 г. Вяч. Иванов писал, что ставил себе здесь задачу «очертить религиозное мировоззрение, даже определить религиозное учение — sic! Достоевского <...> то, что было раньше напечатано, существенно переработать и прежние рамки широко раздвинуть».¹⁶ Летом того же года он пояснял: «Для характеристики этюда о религии Достоевского сейчас могу сказать в двух словах, что подобно тому, как в поэме Данта заключается, по его словам „la dottrina che s'asconde sotto il velame dei versi strani”¹⁷ — так и в творениях Достоевского содержится, как ищет показать автор, целостное религиозное учение, донныне не рассмотренное в своей связи и поэтому недостаточно выявленное».¹⁸

Покажем на одном примере, как могла работать эта ивановская многосторонняя интерпретация в отношении центрального и самого, наверное, загадочного героя «Бесов» — Ставрогина.

Прежде всего Иванов отмечал значительность его имени: «stauros» по-гречески — «крест», что есть знак высокого предназначения героя. Далее, фабульная история «Бесов» — Хромоножки и ее тайного мужа Ставрогина — соответствует мотиву русской сказки о заколдованной невесте и ее освободителе Иване-царевиче. Но эта сказка Достоевским инвертирована. Ставрогин-царевич в какой-то момент своей жизни пал, отрекся от собственного царственного и богоносного предназначения, а в конце романа вновь изменил, отказавшись от служения атеистической революции. Хромоножка-невеста в плену, но провидит в его лице изменника и самозванца. В мифо-поэтическом смысле Хромоножка-невеста олицетворяет плененное женственное начало русского народа, а Ставрогин — временное изнеможение его мужественного начала. Этим временным изнеможением стремятся воспользоваться силы зла, чтобы подчинить себе душу народа, избранного быть богоносцем, но совращаемого к богоотступничеству.

Переходя к собственно религиозному аспекту и задаваясь вопросом о природе и сущности зла в романе, Вяч. Иванов выделял два различных демонических начала: одно из них воплощено в Ставрогине, другое — в Петре Верховенском. Демон Ставрогина бесконечно возвышается над бесовским

¹⁶ Письмо В. И. Иванова к Е. Д. Шору от 25 мая 1925 (Там же).

¹⁷ «Учение, скрытое под покрывалом стихов странных» (*ит.*).

¹⁸ Письмо В. И. Иванова к Е. Д. Шору от 11 июля 1925 (IV, 762).

«легионом» — созданной Петром Верховенским «пятеркой». Далек он и от беса Верховенского, мстительного и ничтожного; в терминологии Иванова, это Ариман,¹⁹ демон растления. Демон Ставрогина — светоносный Люцифер, демон восстания и одновременно отречения от прежнего высокого предназначения. В романе ставрогинское отречение от жены и от отечества (швейцарское гражданство) логически завершено самоубийством через повешение, смертью Христова апостола Иуды.

3. Перейдем теперь к истории появления книги и ее изданию на других языках. В 1926 г. одна из первоначальных версий книги была выслана переводчику Александру Карловичу Креслингу (А. Kresling, 1897, Петербург—1977, Фрейбург). Креслинг, однако, с переводом не спешил, много раз его перечитывал и перерабатывал, прежде чем послать на окончательное утверждение автору. Дело едва не зашло в тупик, когда в какой-то момент Креслинг потерял русский оригинал (он до сих пор не найден). Ход работы над книгой можно представить по некоторым письмам поэта к О. А. Шор. «Не могу даже распутать того, что напутал когда-то в „Достоевском“ о Душе Мира — и я бессильно бьюсь над должною редакцией этого места (но и ряда других), и рукопись бедного

¹⁹ В иранской традиции Ариман — зловонный демон смерти, болезни, отравленной пищи (Encyclopedia Iranica. Tehran, s. a. Vol. 1. P. 672). В письме от 11 мая 1949 г. к немецкому корреспонденту Вяч. Иванов специально пояснял свои демонологические термины: «Теперь я сожалею, что не избрал другие имена (скажем, Люцифер и Летифер, от Letum — смерть), чтобы никто из читателей не принял моих соображений за переложение антропософского учения о двух существах, друг другу противостоящих, как учат, начиная уже с Рудольфа Штейнера. С этим учением, которое не знает ни сатану, ни Богом созданную изначальную свободу, мои соображения не имеют ничего общего. У Штейнера дело шло о двух независимых друг от друга космических силах, из которых одна действует как Люцифер, хоть и вызывает обманчивые образы — что может замедлить духовный путь человека, но все же дает ему чувство его свободы и храбрость для самосознания, правда, слишком рано, в то время как другая сила ищет сделать его рабом материи. Я вижу в обеих силах два аспекта или две личины, две ипостаси единого существа, то есть Лукавого (Сатаны); непостижимая третья ипостась должна, как мне кажется, иметь женскую природу, она является как великая блудница Апокалипсиса. Под „легионом“, с другой стороны, я понимаю социологический результат союза мужских ипостасей. В моей книге я намеренно умолчал, что оба демона уже у Штейнера в некоторой мере являются коррелятами, умолчал по двум причинам: во-первых, мне хотелось избежать тона полемики с антропософами; во-вторых, указание на доктрину Штейнера могло быть понято как косвенное признание внутренней родственности моего мировоззрения с этим учением. Это мое разъяснение Вы можете, многоуважаемый доктор Мюллер, опубликовать, если это будет нужно (*Ivanov V. Dichtung und Briefwechsel aus dem deutschsprachigen Nachlass* / Hrsg. M. Wachtel. Köln, 1995. S. 264—265).

Креслинга все лежит на письменном столе» (7 декабря 1927 — РИА III, с. 270). «Гляжу на свою статью о „Бесах”, как баран в воду, и о Кириллове все ищу немногих, но правильных слов — и не нахожу» (18 ноября 1929 — РИА III, с. 389). «Занят „Достоевским”. „Кириллов” вышел очень отчетлив; даже не знаю, почему мне его учение казалось столь неясным» (8 мая 1930 — РИА III, с. 397). «Занимаюсь всем зараз, и потому кажется, что ничего не двигается. Между прочим „Достоевским”. И потому обрабатывали <...> первую часть, оставшуюся еще без призора» (29 августа 1930 — РИА III, с. 419). После многих задержек, зависящих как от требовательного переводчика, так и ревнивого автора, вплоть до последних корректур менявшего свой текст, книга вышла в свет в крупном немецком издательстве J. C. V. Mohr (Paul Siebeck), работавшем в Тюбингене с 1870-х гг.

Английский перевод книги выходил многочисленными изданиями начиная с 1952 г.²⁰ (о контактах с британскими славистами, по чьей инициативе она появилась, будет сказано позже). Ряд обстоятельств воспрепятствовал своевременному ее изданию на других языках. А. Л. Бем хотел издать книгу по-русски в зарубежном издательстве «Петрополис»,²¹ но этому помешала начавшаяся война. Русская версия в переводе Д. В. Иванова (при участии также автора данных строк) появилась в 1987 г. в 4-м томе собрания сочинений Вяч. Иванова.²² В 1932 г. издать книгу по-итальянски в издательстве «Morcelliana» на севере Италии предполагал католический мыслитель Джузеппе де Лука. Примечательно, что в конце 1932 г. для этого же издательства он предполагал заказать Вяч. Иванову книгу о Л. Толстом. Однако из ряда соображений, в том числе из-за того, что в церковных кругах книгу найдут «модернистской», к осуществлению этого про-

²⁰ Книга в 1952 г. вышла одновременно в Нью-Йорке (*Ivanov V. Freedom and the Tragic Life: A Study in Dostoevsky / Foreword M. Bowra; Transl. N. Cameron; Ed. S. Kononov. New York: The Noonday Press. A Division of Farrar, Straus A. Giroux (6th printing — 1971)*) и Лондоне (*the Harvill Press*, титульный лист идентичен). В 1989 г. в США вышло издание с новым предисловием Р. Джексона (*Wolfeboro, NH: Longwood Academic*). Нельзя не посетовать, что во всех этих изданиях необъяснимым образом выпало предисловие самого Вяч. Иванова, которое открывает книгу 1932 г.

²¹ «Книга Ваша должна *быть издана* на русском языке, и то, что этого до сих пор никто не сделал, просто обидно», — писал А. Л. Бем В. И. Иванову 19 июля 1937 г. (РАИ, оп. 3, № 20).

²² В книгу Вяч. Иванова («Эссе, статьи, переводы»), выпущенную издательством «Foyer Oriental Chrétien» в 1985 г., вошла предварительная версия перевода. Текст 1987 г. воспроизведен в кн.: *Иванов Вяч. Лик и личины России: Эстетика и литературная теория. М., 1995. С. 351—458.*

екта не приступали.²³ Затем за перевод книги о Достоевском с немецкого взялся крупнейший итальянский руссист Этторе Ло Гатто (1890—1983). Но издательство Адриано Оливетти, для которого она готовилась, закрылось, и Ло Гатто, остановившись на первой версии перевода, свой проект оставил. Этот перевод увидел свет только в 1994 г. в болонском университетском издательстве.²⁴ Проект издать книгу по-французски, который возник еще в самом начале 1930-х гг. (РИА III, с. 429), осуществлен только в самое последнее время; издание основано не на немецком тексте 1932 г., а на русской версии 1987 г.²⁵

4. Остается коснуться последнего периода жизни Вяч. Иванова в Италии. Это тринадцатилетие после 1936 г., когда поэт окончательно обосновался в Риме. Имена Толстого и Достоевского остаются в центре как его мысли, так и реальной жизни.

В эти годы состоялось последнее развернутое публичное выступление Иванова о Достоевском. Мы не знаем ни даты этого выступления, ни обстоятельств, ни конкретного повода, с которым оно могло быть связано. Готовясь к выступлению, Вяч. Иванов продиктовал дочери Лидии Вячеславовне краткий, отрывочный конспект, который занимает 18 листов в школьной тонкой тетрадке (РАИ, к. 28, № 12).²⁶ Лидия Вячеславовна иногда переспрашивала отца, внося в текст соответствующие уточнения. Конспект начинается словами: «Ваши преподобия! Высокочтимое собрание!» — и это дает основание думать, что Иванов выступал в Папском восточном институте.

Выступление было посвящено «Легенде о Великом инквизиторе». Как говорилось выше, еще в 1906—1907 гг. интерпретации «Легенды» посвятил свой «реферат» на одной из «сред» на Башне Бердяев. Игнорируя антикатолическую полемику Достоевского, Бердяев хотел воспользоваться «Легендой», чтобы познакомить присутствующих с сущностью

²³ *Roncalli M.* Giuseppe De Luca e V. Ivanov : Note a margine di un'amicizia e alcune lettere inedite // *Europa Orientalis*. 2002 (в печати). В письме к Дю Босу от 12 июля 1931 г. Иванов определенно писал о близком выходе в свет книги в Италии (РИА III, с. 520).

²⁴ *Ivanov Vjaceslav.* Dostoevskij : Tragedia Mito Mistica / Trad. It. E. Lo Gatto; Ed. a cura S. Garzonio; Introd. all'edizione italiana di Andrej Shishkin. Bologna, 1994.

²⁵ *Ivanov Viatcheslav.* Dostoievskij : Tragedie Mythe Religion. Essai / Trad. du russe L. Martinez; Avant-propos J. Catteau; Introd. A. Chichkine. Paris, 2000. В РАИ находится машинописная копия перевода с немецкого на французский Ж. Шузвила (?) (*Иванова Л. Н.* Римский архив Вяч. Иванова. С. 314).

²⁶ Опувл. в кн.: Вячеслав Иванов. Архивные материалы... С. 75—79.

своего религиозного и политического мировоззрения. Известно, что с тех пор и вплоть до сегодняшнего дня «Легенда» стала предметом практически бесконечного числа толкований, своего рода культовым текстом. Большинство рассматривают «Легенду» как вершинное произведение Достоевского, чуть ли не его богословскую и политическую программу.

Именно это направление в толковании «Легенды» счел нужным оспорить Вяч. Иванов. Упомянув отклики на «Братьев Карамазовых» М. Е. Салтыкова (Щедрина) и К. Леонтьева, Иванов критически отозвался об известной книге В. Розанова, посвященной «Легенде», и отметил с легкой иронией «все больший восторг» перед «Легендой» в последующих работах. Наиболее характерна среди них для Иванова книга Бердяева «Миросозерцание Достоевского» (Прага, 1923), где «Легенда» осмыслялась как вершина творчества, как произведение, родственное ницшевскому «Заратустре». При этом Вяч. Иванов признавал, что у него с Бердяевым общие истоки отношения к Достоевскому. Начало бердяевского предисловия к книге 1923 г. близко Вяч. Иванову. Бердяев в нем писал: «В юности с пронизывающей остротой запала в мою душу тема „Легенды о Великом инквизиторе“. Мое первое обращение ко Христу было обращением к образу Христа в Легенде». Иванов, непосредственно откликаясь на эти строки, признавал: «В <...> юности образ Великого инквизитора тоже произвел на меня огромное впечатление» (с. 75). Но уже следующая бердяевская фраза в предисловии соответствовала его специфическому, в чем-то анархическому подходу к Достоевскому: «Идея свободы всегда была основной для моего религиозного мироощущения и миросозерцания, и в этой первичной интуиции свободы я встретился с Достоевским, как своей духовной родиной». Эта мысль (вновь основываясь на толковании «Легенды») была развита в главе «Свобода» и могла стать своеобразной точкой отталкивания для Иванова.

В «конспекте» Иванову важно подчеркнуть, что он в своих работах, в том числе и в своей книге 1932 г., никогда не был среди почитателей «Легенды». Но теперь он хочет осуществить нечто большее, а именно предпринять пересмотр господствующего представления о «Легенде». Для этой цели Иванов прослеживает генезис и устанавливает жанр «Легенды», рассматривает ее богословско-доктринальный, философский и художественный аспекты. Пересмотр превращается в фронтальную критику «Легенды», критику едва ли не беспрецедентную. Провоцирует Иванова к страстной и рез-

кой полемичности (быть может, неожиданной для нас) прежде всего художественный аспект:

«В явлении Христа нет *стиля* <...> все фальшиво. „Улыбка сострадания” фальшива <...> Любовь Достоевского к Христу слишком подлинна. Быть может, после эшафота. Однако изображение Христа ему не удалось. „Белый открытый гробик” есть Россия, а не Севилья. Явление Великого инквизитора — взято из „Дон Карлоса” Шиллера — старец со стражей. Отвод в подземелье. Романтизм. „Горячая севильская ночь” — мода на Испанию, цитата из Пушкина. Безвкусно. Поцелуй Христа есть непростительная вещь в художественном смысле. Он никогда не целует. Его целуют. Но о Нем мы этого не знаем. Художественно этот поцелуй фальшив» (с. 77—78).

По Иванову, критиковать «Легенду» подобным образом возможно лишь при одном условии: если толкователь «Легенды» отрывает ее от фигуры повествователя (или, выражаясь в терминах Бахтина, *монологизирует* «Легенду»). Но эта критика снимается, если мы признаем автором не совсем последовательной и ясной в богословском и литературном смысле притчи самого рассказчика «Легенды»: «Но художественно, однако, эта легенда *совершена* — как портрет Ивана <...> Именно так *должен* был думать и мечтать Иван» (с. 79).

Таким образом, под конец полемики спор переведен Вяч. Ивановым на другой методологический уровень: правильно направленный инструмент филологической критики может подорвать громаду философского построения, воздвигнутого при забвении законов литературного текста.²⁷

5. Писать о Толстом в последние годы римской жизни Вяч. Иванову представился случай в связи с житейскими обстоятельствами. На Авентинском холме, где с 1940 г. находился дом поэта, его соседкой и нередким собеседником стала Т. Л. Толстая (Сухотина, 1864—1950), старшая дочь писателя. Об их дружбе свидетельствует шутливое прозвище «мой sweetheart № 1», которое Сухотина дала Иванову. Но дружеские отношения не заслоняли сложного, в ряде принципиальных аспектов полемического восприятия всегда крайне значительной для Иванова фигуры Л. Толстого. Характерным является следующий эпизод. 25 апреля 1944 г. Татьяна Львовна пришла писать портрет Вяч. Иванова, поэт,

²⁷ Мне известно только одно исследование, предпринимающее аналогичную филологическую, философскую и политическую критику «Легенды». Это работа С. С. Аверинцева «„Великий инквизитор” с точки зрения *advocatus diaboli*» (Киев, 2001. С. 327—330).

вступив с ней в своеобразное состязание (как когда-то соревновался в сонетном мастерстве на «Башне»), начал сочинять стихотворный портрет своей гостыи. Вот этот текст, вошедший в поэтический «Римский дневник 1944 г.» под датой 27 апреля:

Татьяне Львовне Сухотиной —
гр. Толстой

Гляжу с любовью на Вас,
Дочь льва пустынного, с которым,
Всю жизнь мою наполнив спором,
Заспору и в последний час.

Завет подвижника высокий
В душе свободной сохраняя,
Не провождаете Вы дня
Без думы строгой и глубокой.

Чист Ваш рисунок, свят рассказ,
Прям неподкупный ум суждений;
Но мне всего дороже гений,
Разлитый в жизни Ваших глаз:

Как будто Вам отец оставил
Луч тех магических зеркал,
В каких поэт все то восславил,
Что столпник духа отрицал.

(III, 607—608).

Приблизительно в эти же годы Т. Л. Сухотина передала Вяч. Иванову для прочтения свои яснополянские дневники. Поэт настоял на том, что их необходимо готовить для издания. Предисловие к нему Сухотина заказала Вяч. Иванову.

Особенности дневника определили и ракурс предисловия: сюжетом для Иванова является как автор самого дневника, так и лицо, стоящее в центре дневниковых записей, — т. е. Л. Толстой. Иванов пишет в основном о позднем Толстом, учителе жизни, которому его собственное учение, однако, порой оказывалось недостаточным. Тон Вяч. Иванова значителен, местами слегка ироничен, сух и даже суров. Но метафорическое богатство стиля, диалектического и антиномического, исключает любую дурную законченность суждения (в первую очередь негативного). Так, отмечая принципиальную внецерковность, внешний морализм, установку на антипоэтичность у Толстого и его семьи, Иванов противопоставляет их богобоязненному благочестию и поэтичности

в других толстовских творениях — в (как это ни покажется парадоксальным) героях «Войны и мира». Диагноз «сократического момента» русской культуры, поставленный еще в статье 1911 г., обогащен реалиями последних лет России перед 1917 г. Говоря о правомерности сопоставления Толстого, «исправителя мира и перевоспитателя человечества», с другим великим идеалистом-утопистом, вдохновителем французской революции Ж.-Ж. Руссо, Вяч. Иванов считает нужным задаться вопросом о роли толстовского учения в подготовке революции русской. В последней фразе ивановского предисловия грандиозная фигура Толстого оценивается в антиномических образах-символах, где сводятся воедино идеи статьи 1911 г. (протестантский «аскетизм» Толстого и исходящее от него «иконоборчество»; превосходство самопроизвольного творчества над толстовским учением) и стихотворения 1944 г.:

Поэт в нем неустанно и непроизвольно славил каждым дыханием живую, пусть даже дикую и хаотическую, природу и ту самую несговорчивую, непокорливую, своевольную жизнь, которой не прощал ее страстного корня пустынный духа, лев пустыни, иконоборец и столпник (IV, 611).

Примечательно, что проект издания книги о Достоевском на английском языке шел рука об руку с хлопотами об издании дневника Т. Л. Сухотиной-Толстой. Когда Англия перестала быть для Италии враждебной державой, у Вяч. Иванова завязались контакты с британскими учеными — С. М. Бора, С. Н. Коноваловым, И. Берлином, Н. М. Бахтиным. Эти его «почитатели и друзья»²⁸ хотели содействовать изданию в Англии «Достоевского», «Света Вечернего» и других сочинений. Непосредственными контактами с издательствами, выбором переводчиков, поисками наборщика занялся оксфордский профессор Коновалов, основатель славистического журнала «Oxford Slavonic Papers». В большом письме, посвященном многочисленным совместным книжным проектам, Вяч. Иванов в отдельном пункте по-деловому рассказал ему о яснополянском дневнике:

Живет здесь Татьяна Львовна Сухотина, урожденная графиня Толстая, и так как мы с нею дружим, она показала мне свои старинные дневники, которые от всех посторонних прятала, спрашивая меня, стоит ли их напечатать, и если да, не напишу ли я к ним предисловие. Я нашел их имеющими значение и психологическое, и общественно-историческое, и ли-

²⁸ Слова из письма С. Н. Коновалова к В. И. Иванову от 7 декабря 1945 г. (РАИ, оп. 3, № 111).

тературно-биографическое для изучения личности Льва Толстого, присутствие и влияние которого чувствуется в ее записях о ее жизни в Ясной Поляне и об ее девических романах, повсюду, даже там, где она не говорит о нем прямо. Дневники начинаются с 80-х годов и доведены до появления в Ясной Поляне новых хозяев — коммунистических комиссаров. Я написал довольно длинное предисловие об ней и ее отце. Издать книгу она думала бы как по-русски, так и в английском переводе. Сообщаю Вам об этом на всякий случай; может быть, что-нибудь присоветуете (В. И. Иванов к Коновалову, б. д. — РАИ, оп. 3, № 112, л. 12).

Коновалов смог заинтересовать всеми этими проектами крупное английское издательство «The Harvill Press». Дневники Т. Л. Сухотиной увидели свет в 1950 г. (т. е. на два года раньше книги Вяч. Иванова о Достоевском). Однако предисловие, несмотря на то что перевод его на английский был уже одобрен самим автором, в издание включено не было — возможно, в связи с тем, что показалось издателям чрезмерно полемичным или критическим. Оно увидело свет уже после смерти Вяч. Иванова в нью-йоркском «Новом журнале» за 1953 г. (затем в 4-м томе его собрания сочинений, с. 603—614).

В заключение следует коснуться вопроса о том, в какой мере ивановские работы о Достоевском и Толстом оказали влияние на последующие исследования. Первым делом здесь встает тема «Вяч. Иванов и М. М. Бахтин». Бахтин и Вяч. Иванов были лично знакомы, неоднократно встречались, в 1920 г. Бахтин дважды посетил поэта в той московской здравнице, где была создана «Переписка из двух углов». Бахтин в начале 1920-х гг. отмечал в лекции о Вяч. Иванове, что «если бы его не было, как мыслителя, то, вероятно, русский символизм пошел бы по другому пути».²⁹ По Бахтину, Вяч. Иванов впервые в истории интерпретации Достоевского, «найдя глубокое и верное определение», нащупал основную структурную особенность его художественного мира — принцип «Ты еси».³⁰ В книге «Проблемы творчества Достоевского» Бахтин развивал этот принцип. В 1973 г. в беседе с В. Д. Дувакиным Бахтин признавал: «Самым авторитетным для меня поэтом... и не только поэтом, но и мыслителем, и ученым, был Вячеслав Иванов».³¹

²⁹ Из лекций по истории русской литературы: Вячеслав Иванов // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 374.

³⁰ Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1972. С. 14, 16.

³¹ Беседы В. Д. Дувакина с М. М. Бахтиным. М., 1996. С. 106; ср. с. 77—80.

«Вяч. Иванов и М. М. Бахтин», конечно, одна из ключевых тем. Не случайно ей посвящено значительное число исследований, самых разнообразных по методологическим и идеологическим посылкам.³² Можно рассчитывать, что многое откроется, после того как архив Бахтина будет окончательно разобран и собрание его сочинений в семи томах, издаваемое Институтом мировой литературы, будет завершено.

Вяч. Иванов вместе с Ф. Ф. Зелинским был причастен к разработке историко-литературной концепции «славянского возрождения», которая в последнее время вновь вызывает интерес.³³ Эта историко-литературная парадигма рассматривала античную греко-латинскую и русскую культуры как единство и континуум в аспекте как форм, так и идей.³⁴ Толстой и Достоевский в работах Вяч. Иванова разнесены по этой парадигме следующим образом:

роман Достоевского является продолжателем высокой античной трагедии с ее религиозным «катарсисом» и искуплением;

религиозно-философская позиция позднего Толстого описана как «сократический» момент в русской культуре — «убеждение в тщете научного, метафизического и мистического проникновения в сущность вещей» (IV, 598).

Среди наиболее интересных сторонников этого «Славянского возрождения» следует назвать Л. В. Пумпянского (см. прежде всего его во многом программную статью 1922 г. «Достоевский и античность»), Н. М. Бахтина и М. М. Бахтина.

В противопоставлении Вяч. Ивановым Толстого и Достоевского схематически можно выделить следующие аспекты:

различие в отношении к культуре — релятивистическое, аскетическое и символическое. Толстому приписано второе — аскетическое, что приводит его к иконоборчеству, а

³² См. прежде всего аннотированную библиографию: *Davidson P. Viacheslav Ivanov: A Reference Guide*. New York, 1996. Примечательно, что идеи Иванова в последнее время иной раз признаются более убедительными, чем Бахтина (*Фридлендер Г. М. Достоевский и Вячеслав Иванов // Достоевский. Материалы и исследования*. СПб., 1994. Т. 11. С. 140).

³³ См.: *Николаев С. И. Судьба идеи Третьего Возрождения // MOSEION: Профессору Александру Иосифовичу Зайцеву ко дню семидесятилетия*: Сб. ст. СПб., 1997. С. 323—350.

³⁴ У Иванова она наиболее подробно продемонстрирована в статье «„Ревизор“ Гоголя и комедия Аристофана», 1925 (IV, 385—398).

Достоевскому третье, символическое, что соответствует иконопочитанию;

различие художественного и идейного мира — Толстой представляет своеобразное русское «западничество», точнее, пуританский американизм (IV, 596); через Достоевского русский народ «осознал свою идею, как идею всечеловечества» (III, 306).

отношения с Богом, природой и людьми — если у Достоевского оно строится на основе этико-религиозного принципа «Ты еси», то Толстой познает и художественно творит мир через свою личность.

О судьбе некоторых из этих идей можно сейчас предварительно сказать следующее. Последнее противопоставление находим у М. М. Бахтина, когда он приписывает «полифонизм» Достоевскому и «монологизм» Толстому. Уже в 1970-е гг. Б. А. Успенский, а за ним Г. С. Морсон выделяют два ведущих конструктивных принципа у автора «Войны и мира» — соположение разных пространственных планов и разных языковых стихий, т. е. принцип своеобразного «монтажа», где доминирует воля и взгляд мастера.³⁵ Дж. Стейнер, по популярности в Западной Европе сравнимый разве что с Умберто Эко, писал об «американизме» Толстого в своей известной книге «*Tolstoj or Dostoevskij*» (1959), где ссылаясь (правда, суммарно) на работы Вяч. Иванова.

³⁵ Успенский Б. А. Поэтика композиции // Успенский Б. А. Семиотика искусства. М., 1995 (1-е изд. 1970); Morson G. S. Hidden in the Plain View: Narrative and Creative Potentials in «War and Peace». Stanford, 1987. P. 37—65.

СОДЕРЖАНИЕ

В. Е. Багно, Г. А. Тиме (<i>С.-Петербург</i>). Спор о жизни	3
В. Страда (<i>Италия</i>). Толстой, Достоевский и западно-восточная революция	9
М. Б. Плюханова (<i>Италия</i>). Достоевский и Толстой: взгляд в Италии. (Gesù Bambino в «Братьях Карамазовых»)	19
Т. Кимура (<i>Япония</i>). Басенное наследие и притчевый элемент в художественном мире Толстого и Достоевского	41
К. Итокава (<i>Япония</i>). Достоевский о помещичьей литературе Толстого и «Новая деревня» С. Мусякодзи	50
М. Ю. Коренева (<i>С.-Петербург</i>). Судьба книги Д. С. Мережковского «Лев Толстой и Достоевский» в Германии	57
В. М. Паперный (<i>Израиль</i>). Лев Шестов о Толстом и Достоевском	65
А. Б. Шишкин (<i>Италия</i>). «Толстой и/или Достоевский»: случай Вяч. Иванова	82
Т. Киносита (<i>Япония</i>). Восприятие Толстого и Достоевского в контексте развития литературно-философской мысли Японии (первая половина XX в.)	100
К. Чинён (<i>Корея</i>). Корейская литература 1920-х гг. сквозь призму спора о Толстом и Достоевском	109
А. О. Львовский (<i>С.-Петербург</i>). Религиозная проблематика Достоевского и Толстого в восприятии шведов конца XIX—начала XX в.	120
К. С. Корконосенко (<i>С.-Петербург</i>). Толстой, Достоевский и «поколение 98 года» в Испании	130
Э. Ф. Осипова (<i>С.-Петербург</i>). Толстой и Достоевский в литературной жизни США 1900—1920-х гг.: взаимодействие или соперничество?	144
В. Е. Багно (<i>С.-Петербург</i>). Спор о Толстом и Достоевском в литературах Латинской Америки	152
А. И. Владимирова (<i>С.-Петербург</i>). Толстой и Достоевский во французской литературе рубежа XIX—XX вв.	162
М. Бурима (<i>Латвия</i>). Кнут Гамсун о Толстом и Достоевском	172
П. Генри (<i>Великобритания</i>). Творчество Достоевского и Грэма Грина: сходство и противоречия	183

В. К. Кантор (<i>Москва</i>). Фрейд contra Достоевский	197
Г. А. Тиме (<i>С.-Петербург</i>). Миф о Толстом и Достоевском О. Шпенглера	208
Д. Ребеккини (<i>Италия</i>). Толстой как подражатель Достоев- ского в цикле романов Пруста «В поисках утраченного времени»	216
Д. В. Токарев (<i>С.-Петербург</i>). Толстой и Достоевский в вос- приятии Натали Саррот	224
В. А. Туниманов (<i>С.-Петербург</i>). Достоевский и Толстой на рубеже столетий	234
Указатель имен	244

Научное издание

**ТОЛСТОЙ ИЛИ ДОСТОЕВСКИЙ?
ФИЛОСОФСКО-ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ИСКАНИЯ
В КУЛЬТУРАХ ВОСТОКА И ЗАПАДА**

Материалы Международной конференции
3—6 сентября 2001 г.

*Утверждено к печати
Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) РАН*

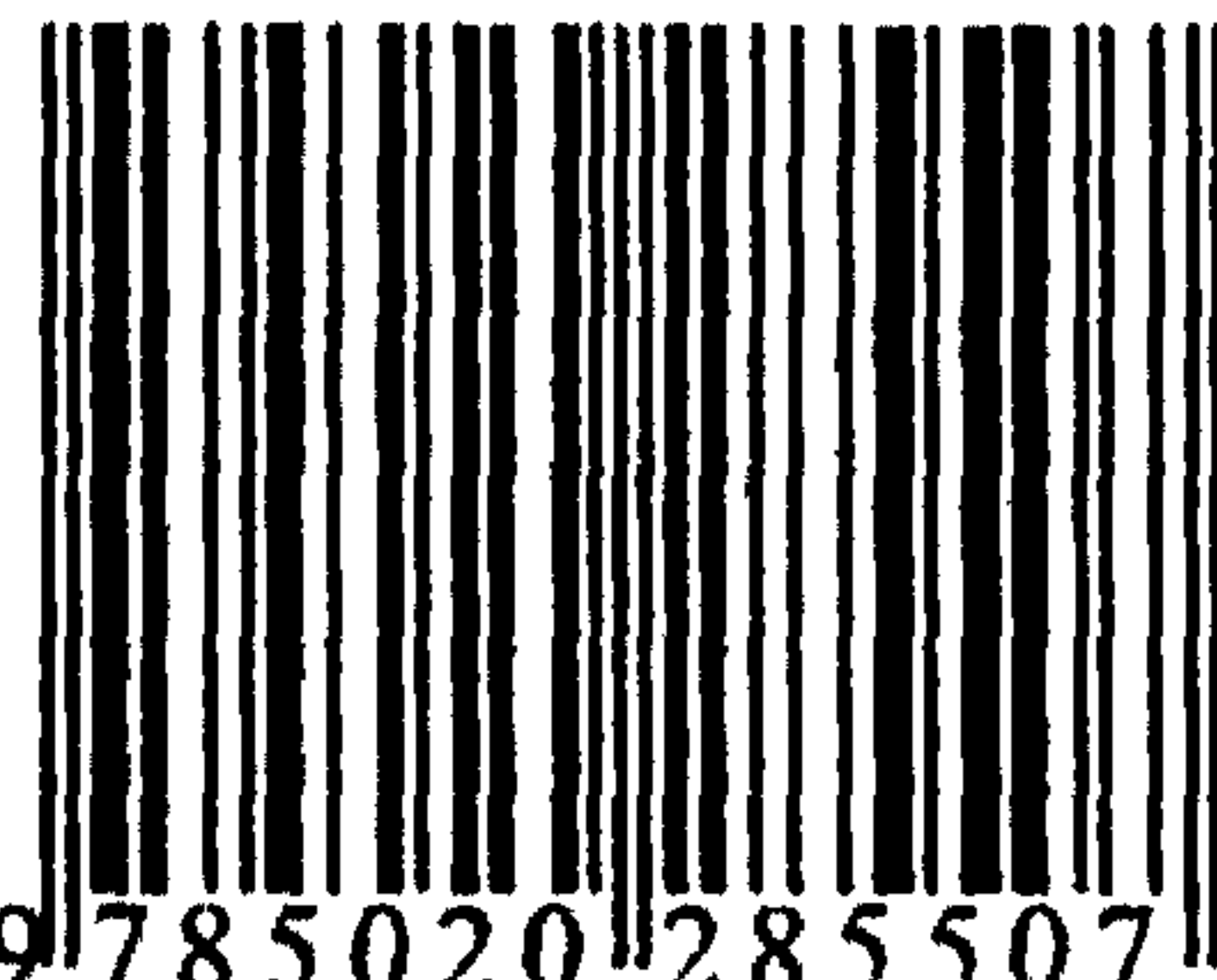
Редактор издательства *А. И. Строева*
Художник *Е. В. Кудина*
Технический редактор *И. М. Кашеварова*
Корректоры *О. И. Буркова, Ю. Б. Григорьева*
и *Н. И. Журавлева*
Компьютерная верстка *Л. Н. Напольской*

Лицензия ИД № 02980 от 06 октября 2000 г. Сдано в набор 21.09.03.
Подписано к печати 25.11.03. Формат 60 × 90 1/16.
Бумага офсетная. Гарнитура таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 15.6.
Уч.-изд. л. 14.9. Тираж 500 экз. Тип. зак. № 4678. С 288

Санкт-Петербургская издательская фирма «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская лин., 1
main@nauka.nw.ru

Санкт-Петербургская типография «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 лин., 12

ISBN 5-02-028550-1

9 785020 285507